

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск VII

Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV–XVII вв.

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург
2019

Редакция журнала:

К.В. Нагорный
В.В. Пенской
А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова
кандидат исторических наук А.Н. Лобин
кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков
кандидат исторических наук Е.И. Юркевич
Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV-XVII вв. — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_7>

© www.milhist.info
© Селиверстов Д.А.

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)43

УДК 94(47).035=161.1(045)"0/2"(470.24)

Селиверстов Д.А. Битва под Русой 3 февраля 1456 г.

В данной статье рассматривается сражение под Русой 1456 г. между великокняжеским войском и новгородцами. Изучается ход сражения, численность обеих армий. Статья представляет собой исправленное и дополненное издание более ранней публикации об этом сражении в журнале «Воин» и представляет собой развитие авторской концепции этого важного сражения.

Ключевые слова: XV в., Великое Княжество Московское, Новгородская республика, сражение под Русой, Василий Темный, Дмитрий Шемяка.

Автор: Селиверстов Дмитрий Анатольевич. В 1987 г. окончил Московский Всесоюзный Технологический Университет имени Баумана. С 2008 г. - активный член Проблемного совета Государственного Исторического музея. Область научных интересов: военное дело Московской Руси XV — начала XVII в. antov-d@yandex.ru.

Литература, использованная в статье:

Зимин А.А. Витязь на распутье. — М., 1991.

Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 96-173. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015).

Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич – один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 гг.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 291-325. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

Несин М.А. Борьба за Смоленск в XV веке [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. — С. 1-34. <http://www.milhist.info/2015/02/20/nesin_3> (20.02.2015).

Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 96-113. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

Шиндлер О.В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. I. — С. 72-97. <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Быков А.В. Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.

— 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Несин М.А. Ответ на замечания Быкова А.В. изложенные в статье «Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»» и отзыв на статью Шиндлера О.В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 614-652 <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

Комаров О.В. Отзыв на статью Шиндлера О. В. «Смена доспешной моды во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 654-676 <http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3> (12.12.2016).

Селиверстов Д.А. Русский Азенкур // Воин. — № 6 (2008).

Янин В.Л. Новгородские Посадники. — М., 2003.

Веселовский СБ. Феодалное землевладение в северо-Восточной Руси. — М.;Л., 1947. — Т. I.

Степанова Л.Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV-XVI веков. — М., 2004.

Щеков А.В. Верховские княжества. — М., 2012.

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. — М-СПб. 2007.

Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. — СПб., 1889.

Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в XV-XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. — СПб., 2013. — Ч. 1.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2019/08/25/seliverstov_3

Ссылка для печатных изданий:

Селиверстов Д.А. Битва под Русой 3 февраля 1456 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV-XVII вв. — Ч. II. — С. 18-57 <http://www.milhist.info/2019/08/25/seliverstov_3> (25.08.2019).

Seliverstov D.A. The Battle of Rusa on February 3, 1456

This article discusses the Battle of Rusa in 1456 between the army of Grand Prince of Moscow and the army of Novgorodians. We study the course of the battle and the strength of both armies. The article is a revised and amended edition of an earlier publication about this battle published in the journal "Voin" (Warrior) and represents the development of the author's concept of this important battle.

Key words: the fifteenth century, Grand Principality of Moscow, Novgorod Republic, the Battle of Rusa, Vasily II the Blind, Dmitry Shemyaka.

About the author: Seliverstov Dmitry Anatolyevich. In 1987 he graduated from the Bauman Moscow State Technical University. Since 2008 he has been an active member of the Problem Council of the State Historical Museum. His research interests include military affairs of Muscovite Russia of the fifteenth - beginning of the seventeenth centuries. antov-d@yandex.ru

References:

Nesin M.A. The Governor Fyodor Vasilievich Besenok [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Vol. VII. — P. 96-173. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015).

Nesin M.A. Tsyatsky in Novgorod, Fedor Eliseevich. [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Vol. VII. — P. 291-325. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

Nesin M.A. Fight for Smolensk in the XV century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition IV. The Smolensk war XV-XVII vv. — Vol. I. — P. 1-34. <http://www.milhist.info/2015/02/20/nesin_3> (20.02.2015).

Nesin M.A. The battle of Russa 3 Feb 1456 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2014. — Vol. V. — P. 96-113. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

Shindler O.V. Change of armor fashion in Russia in the second half of the XV century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Standing on the river Ugra 1480-2015. — Vol. I. — P. 72-97. <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Bykov A.V. Review article O.V. Shindler « Change of armor fashion in Russia in the second half of the XV century» [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Standing on the river Ugra 1480-2015. — Vol. II. — P. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Nesin M.A. Review article Bykov A.V. Review article O.V. Shindler «Change of armor fashion in Russia in the second half of the XV century» [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Standing on the river Ugra 1480-2015. — Vol. II. — P. 614-652 <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

Komarov O.V. Review article O.V. Shindler « Change of armor fashion in Russia in the second half of the XV century» [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Standing on the river Ugra 1480-2015. — Vol. II. — P. 654-676 <http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3> (12.12.2016).

Seliverstov D.A. Russkij Azenkur [The Russian Agincourt] // Voin. — № 6 (2008).

Janin V.L. Novgorodskie Posadniki [The Novgorod Posadniks]. — M., 2003.

Veselovskij SB. Feodal'noe zemlevladienie v severo-Vostochnoj Rusi [Feudal land ownership in North-Eastern Russia]. — M.;L., 1947. — T. I.

Stepanova L.G. Novgorodskoe krest'janstvo na rubezhe XV-XVI vekov [Novgorod peasantry at the turn of XV-XVI centuries]. — M., 2004.

Shhekov A.V. Verhovskie knjazhestva [Verhovsky's princedoms]. — M., 2012.

Lihachev N. P. Razrjadnye d'jaki XVI veka [Discharge clerks of the XVI century]. — M-SPb. 2007.

Chechulin N.D. Goroda Moskovskogo gosudarstva v XVI v [Cities of Moscow state in XVI]. — SPb., 1889.

Bobrov L.A. Kazahskaja taktika vedenija boja v konnom stroju v XV-XVI vv. [Kazakh tactics of combat on horseback in XV-XVI] // Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. Trudy Chetvertoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. — SPb., 2013. — Ch. 1.

Internet link:

http://www.milhist.info/2019/08/25/seliverstov_3

Reference:

Seliverstov D.A. The Battle of Rusa on February 3, 1456 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2019. — Special edition VII. Military history of Novgorod and Novgorod land in XIV-XVII. — Vol. II. — P. 18-57 <http://www.milhist.info/2019/08/25/seliverstov_3> (25.08.2019).

Д.А. Селиверстов

БИТВА
ПОД РУСОЙ

3 февраля 1456 г.

Вместо предисловия

Среди событий, из которых состоит история человечества, есть события «популярные» и «непопулярные». О первых всевозможные исследователи и популяризаторы писать и рассказывать любят, о других — нет. К «популярным» относятся события «героические» и «эпические», на их примерах воспитывают «подрастающие поколения», они являются образцами подражания и предметами восхваления. Зачастую уже и невозможно понять, что в тех событиях соответствует исторической правде, а что додумано позже.

В «непопулярные» события попадают, по обыкновению, те случаи, о которых вспоминать не очень хочется, но и умолчать не получается. Одним из подобных эпизодов в истории России можно назвать тот, что официально носит название «Феодалная война в России во 2-й четверти XV века»¹. Героическое и эпическое в той войне (а что за война без героев?) рассмотреть можно только при тщательном изучении, на которое потребно время. А времени у всех исследователей и популяризаторов всегда не хватает, тем более что после той войны наступила эпоха властвования *«Государя Всея Руси»* Ивана III Васильевича. На него времени хватило многим, даже основоположнику марксизма. Советские историки очень любили цитировать слова Карла Маркса: *«Изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии»*, но забывали объяснять, что без событий предшествующего правления «изумляться» Европе было бы нечему.

Единственным исключением в советские времена, стала работа Александра Александровича Зимина «Витязь на распутье»², целиком посвященная «...феодалной войне 2-й четверти XV века». В наше время исследователи, пытаясь найти «ещё не освоенные пласты» отечественной истории, проникают туда, куда ранее «не хватало времени» заглянуть. Но «Феодалная война в России», которую по примеру английской Войны Алой и Белой Розы можно именовать более романтично — Войной за Золотой Пояс, всё ещё ждёт своего историографа. Работы в этом направлении ведутся, хотя и охватывают лишь отдельные эпизоды эпопеи. В основном разрабатываются или отдельные биографии героев той «негероической войны», или боевые столкновения, заслужившие особое упоминание в источниках.

Судьбы некоторых персонажей того времени — воеводы Федора Басенка и новгородского тысяцкого Федора Елисеевича, описал М. А. Несин³. Ему же принадлежат статьи о борьбе за Смоленск в XV веке⁴ и о сражении под Русой в 1456 году⁵. Благодаря довольно подробному описанию той битвы в источниках, определенными её моментами заинтересовались участники дискуссии при обсуждении статьи О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»⁶: А. В. Быков⁷, М. А. Несин⁸ и О. В. Комаров⁹, а также и другие исследователи¹⁰.

Автор этих строк тоже не смог удержаться и переработал одну из своих ранних статей, напечатанную в 2008 году в военно-историческом журнале «Воин» (Новый) под названием «Русский Азенкур»¹¹. Задачи у той статьи были сугубо «популяризаторские». Хотелось рассказать об одном из забытых событий отечественной истории. Настоящий вариант значительно переработан, дополнен новыми фактами. Убраны излишние «литературные изыски» и мало доказуемые предположения. Удалось это или нет, судить не мне, но читателю.

Зачин

Шло лето 6964 по старому счету, от Сотворения Мира; по новому — от Рождества Христова — 1456. На Руси заканчивалась междоусобная война, длившаяся с 1425 года. Великий князь московский Василий Васильевич одолел своих недругов: своего дядю князя Юрия Дмитриевича и его сыновей Василия Косого, Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного. Борьба была страшная — с кровавыми битвами, жестокими и подлыми

убийствами, клятвопреступлениями и изменами. Князь Василий Васильевич потерял в ней очи, оттого и вошел в историю под прозвищем «Тёмный». Впрочем, недоброхоты великого князя связывают прозвание с монгольским званием «темник» или «темный князь», подразумевая, что и властью, и самой жизнью князь Василий был обязан Улуг-Мухаммеду, хану сперва ордынскому, потом казанскому. Несмотря ни на что, победу князь Василий Темный одержал, вернее, не он, а зарождающееся русское дворянство — «...*вси князи и боаря его и дети боарьские и множество двора его от всех градовъ*»¹², которые поддержали князя в трудный час. Последним штрихом той войны стала битва под Русой, произошедшая 3 февраля 1456 года. Описание битвы, в отличие от многих прочих боев той эпохи, сохранилось довольно подробно, причем как в изложении многочисленных официальных источников, так и в «Летописи Авраамки». О последней летописи известно, что «...*в лето 7003 написана бысть сия книга, глаголемыи летописецъ, во Смоленце, при дръжаве великого князя Александра, изволениемъ Божиимъ и повелениемъ господина владыки епископа Смоленъского Иосифа, рукою многогрешнаго раба Божиа Авраамка*»¹³.

Новгородский поход 1456 года

Начало «Руской истории» можно отнести к 23 июля 1453 г., когда в Москву из Новгорода примчался подьячий Василий Беда с радостной вестью о гибели последнего серьезного противника великого князя — князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, который «*умре напрасно*». Мать великого князя Софья Витовна не дождала до этого известия всего 18 дней: она скончалась 5 июля 1435 года. Но смерть врага компенсировала Василию Васильевичу потерю любимой матери с избытком. За известие посланец сразу получил чин дьяка¹⁴. В смерти неудачливого претендента на престол и соперника великого князя молва людская обвинила его повара (прозвав последнего «*имянем Поганка*»), накормившего князя-изгоя отравленной курицей. Вдохновителями же злодеяния якобы выступили московский дьяк Стефан Бородатый и посадник Новгородский Исаак Борецкий¹⁵. Так это или иначе, но повар-убийца постригся в монахи и попал в монастырь к Пафнутию Боровскому. Об их встрече говорится в житии святого: «*Некоторый инок пришел в обитель преподобного. Подвижник, увидав его, тихо сказал своим*

ученикам: „Видите ли, что и ради иноческого чина не очистился от крови?“ Ученики удивились, но боялись спросить преподобного о значении этих слов. Впрочем, сам старец после объяснил их: „Этот инок, будучи мирянином, отравил в Новгороде князя, которому служил. Мучимый совестью, он принял монашество“».

Окончание войны получалось чересчур позорным для великого князя Василия, и надо было скрасить его каким-либо молодецким ударом. Лучшей целью для него представлялся Великий Новгород. Боярская республика на протяжении всей войны поддерживала врагов Василия Васильевича. Кроме того, в Новгороде оставались члены семьи Шемяки: жена Софья Дмитриевна и дочь Мария, а у военного руководства стоял зять покойного, князь Александр Васильевич Чарторыйский. С учетом бегства сына Шемяки, князя Ивана Дмитриевича, в Литву, где его радушно встретили и наделили немалым уделом, вырисовывалась весьма неприятная для Москвы перспектива. Новгород вполне мог окончательно отдаться под власть Великого Княжества Литовского и рассчитывать на помощь его владыки Казимира IV. Причин и поводов для войны набиралось достаточно.

Ради обеспечения безопасности с литовской стороны и возможной поддержки существовавшей там «русской партии» великий князь Василий Тёмный пошел на беспрецедентный шаг: в начале января 1456 г. он передал смоленскому епископу Мисаилу икону Пречистой Богородицы. Ранее чудотворная икона была вывезена из Смоленска неким «Юргой»¹⁶. Обливаясь слезами, великий князь собственноручно снял икону с киота церкви Благовещения и вручил смоленскому владыке. Горевать было о чем: нахождение духовного символа города, чудотворной иконы, в Москве означало и возможное обладание её «физической ипостасью», если не в данный момент, то в ближайшем будущем. Отказ от иконы означал и отказ от притязаний Москвы на Смоленск. Однако первостепенной задачей являлся Новгород, остальное: Вятка, Смоленск, Рязань и прочая, прочая, прочая — оставалось на будущее.

19 января 1456 г., в понедельник, Василий Тёмный объявил поход на Новгород — *«за неисправление Новгородец поиде на Новгород ратью»*¹⁷.

Сбор войска назначили *«...на Волоце, и ту приидоша к нему братиа его и вси князи и воеводы его съ множествомъ воинства»*¹⁸. «Братиш» после бегства в Литву в 1454 г. князя можайского Ивана Андреевича

у великого князя осталось немного. Это были князь белозерский и верейский Михаил Андреевич и князь серпуховской и боровской Василий Ярославич. Скорее всего, именно они со своими дворами и пришли на Волок.

В летописи Авраамки указан и казанский хан Махмуд, сын Улуг-Мухаммеда: якобы Василий «...поднял царицу Момотьяка с татарскою силою на Великий Новгород»¹⁹. Насколько вероятно участие в походе именно казанских татар, а не татар, к примеру, царевича Касима Трегуба, другого сына Улуг-Мухаммеда? Царевич Касим, судя по всему, тогда уже находился на службе у князя Василия Васильевича²⁰. В 1449 г. он отражал набег татар из орды Сеид-Ахмеда²¹. В 1452 г. в походе на Кокшенгу вместе с наследником великого князя Иваном Васильевичем участвовал третий сын Улуг-Мухаммеда — царевич Якуб. Он тоже служил великому князю, так как тот «...с Костромы отпустил с сыномъ своим сниматися царица Ягуна»²². Кроме того был ещё царевич Бердедат сын Худайдата, который, скорее всего, попал в Москву вместе с матерью осенью 1424 г.²³ Таким образом, вопрос, что за татары участвовали в кампании 1456 г., остается открытым.

Господин Великий Новгород, как всегда, раздираемый внутренними противоречиями, послал на Волок посольство во главе с посадником Василием Степановичем. Василий Степанович был посадником от Славенского конца, традиционно стоявшего за союз с московскими властителями²⁴, потому и просил: «Что бы князь велики пожаловал, на Новгород не шол и гневъ свои отложил»²⁵. Однако и партия войны не дремала: ещё в июле 1455 г. в Новгород из Пскова вызвали служилого князя Василия Васильевича Суздальского с его двором²⁶.

Василий Темный, неудовлетворенный видимой покорностью новгородцев, скорее желая дать воинам возможность пограбить, приказал напасть на богатейший пригород неприятеля — Русу. Источники по-разному описывают состав посланной рати, в официальных московских сказано: «Отпусти князя Ивана Васильевича Оболенского Стригу и Федора Басенка на Русу»²⁷. В новгородском известии: «А на Русу послал изгонную рать, Семена Карамышова, да Басенька и ины воеводы, с Татары, в пять тысящ рати»²⁸. В Новгородской летописи по списку Дубровского, изобилующем уникальными известиями, список московских воевод пополнен: «И воеводы великог(о) кн(я)зя, кн(я)зь Иван Васил(ь)евич Стрига

з братиею, да Федор Васил(ь)евич Басенок, да Иван Ильин, да Михаило Русалка, и иньи многие воеводы»²⁹.

Ранним утром в понедельник 2 февраля 1456 г., «...в понедельник на сыр-ной недели, порану»³⁰, город был взят без всякого сопротивления. Наверное, горожане готовились к Масленице, а не к нашествию неприятеля, и победителям досталась огромная добыча: «Они же пришед тамо многое множество богатства взяша, поне же бо не успеха выбежати люди суиции тамо, ниже товара вывести или похоронити где»³¹. Грабежам подверглись не только дома жителей, но и церкви, что подтверждает наличие татарского контингента: «И у святыхъ церквей двери выломаша, и отъ икон круту отъимаша, и всякую утварь серебряную и золотую и ларцы разьбиша, и много зла учиниша, сребра, и злата, и портъ и всякого товара много пограбиша, а Рушан почаша имати, и бити и животов у них сочити»³². Трудно представить, чтоб московские вои осмелились надругаться над иконами и прочими атрибутами культа. Совсем недавно сам великий князь являл себя ярким сторонником Православия в споре с униатом митрополитом Исидором и рыдал над чудотворной иконой Смоленской Богоматери, а вот нехристиям татарам никто и ничто не мешало действовать по их обычаю. Да и вряд ли воеводы могли помешать им даже при наличии желания.

Известие о взятии Русы достигло Новгорода необычайно быстро. «И то слышавъ Новгородци поидоша из города того же дни по обеде, на масленой недели; а князь Василей Васильевич Низовъскый, и посадникъ Новгородъчкый Иванъ Лукыничъ Щока, и тысячный Василей Пантелеевич и Есифъ Васильевич Носовъ, а не в мнозе силе бояре, и житьи люди, и молодехъ людий немного». Совершив переход по замерзшему льду озера Ильмень (напрямую там чуть больше 40 км), воеводы расположились ночевать, чтоб дать отдых коням и обрушиться на врага со свежими силами. Главный новгородский стратиг — служилый князь Александр Васильевич Чарторыйский, «...вышолъ после изъ города своимъ двором, и сталь на Липне у святого Николе»³³. Церковь святого Николая сохранилась по сей день, она стоит у впадения реки Волхов в озеро Ильмень с Торговой стороны. Князь Александр стал собирать подходившее из волостей воинство и формировать главную рать — «...учаль силу Новгородчкую уимати ту тутю на ночь, а не пуцати за озеро». Надо думать, в среде новгородского командования возникли разногласия по поводу дальнейших действий.

Силы сторон и командиры

Новгородцы

Войско боярской республики состояло из нескольких частей: «дворов» служилых князей, боярского полка «по сто с конца» города и полка житых и своеземцев с пригородов и области. Вся земля новгородская была поделена между «концами» города, по «концам» были расписаны землевладения бояр, житых и своеземцев. Жалованные грамоты на завоёванные, не исконные земли давались от лица «*Всего Новгородда*»³⁴. Существовал ещё «*владычин полк*». Он состоял из людей, живших на церковных землях «*дома Святой Софии*». В основном эти люди, попеременно жившие в Новгороде, выполняли «полицейские» функции в часто возникавших спорах между «концами». Большую силу к середине XV в. обрела «*Заволоцкая рать*», состоявшая из жителей волостей по реке Северная Двина. Они могли совершать самостоятельные походы, не оглядываясь на центральную власть. Например, в 1446 г. «...*Василеи Шенькурский и Михаило Яковль, воеводы Новгородцкьи, поидоша ратию Заволоцкою въ трехъ тысячахъ на Угру*»³⁵.

Служилые князья

В то же время былая ратная удаля самих новгородцев канула в лету, задача защиты земли всё больше и больше ложилась на плечи служилых князей с их дворами. Иногда для усиления им придавались воины с волостей. Проиллюстрировать подобное положение дел можно несколькими примерами. В 1445 г. в ответ на немецкое нападение на Ям новгородцы решили совершить свой набег. «*А в то же время в городе въ Яме был князь Василеи Юрьевич Суздальских князеи; а новгородци послаша сельников луских и вочких и ижерьских бояръ наперед, а сами хотеша ити с ними за Нарову воевати съ княземъ Иваномъ Володимировичемъ. И в то же время, по грехомъ нашимъ, начаша кони мрети в городе и по волостемъ велми много; новгородци же въспятиша и не поидоша за Нарову*»³⁶. В 1447 г., опять в Яме: «*На зиме послалъ князь Олександръ Васильевичъ свои люди, шестьдесятъ человекъ, и Новгородчкьи воеводы Яме городка, Родивонъ Остафьевичъ и Давыдъ Кюпровъ, и з городчаны поидоша за Нарову...*»³⁷.

Таким образом, «служилые князья» становились настоящими «кондотьерами» в европейском понимании слова, а их отряды — основной ударной силой новгородского войска. Со «служилыми князьями» заключался договор — «ряд», по условиям которого им выплачивалось денежное содержание — «княжья пошлина», кормления по области, в крайнем случае — некоторые из «пригородов». Князья, в свою очередь, «целовали крест», т.е. клялись в верности Новгороду. В случае, если «служилый князь» не исполнял своих обязанностей, его изгоняли. Иногда случалось обратное — князь желал уехать, а его слезно умоляли остаться. Все зависело от того, какими талантами обладал сам князь и каков по численности был его «двор». В 1456 г. Новгороду служили два князя: Александр Васильевич Чарторыйский и Василий Васильевич Суздальский или Низовской.

Князь Александр Васильевич Чарторыйский, как говорят, приходился внуком сыну великого князя Ольгерда Коригаило, в крещении — Константину Ольгердовичу. Родился он до 1416 г. Слыл поборником «русской» партии. Со своим братом князем Иваном князь Александр организовал заговор против великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича³⁸. Заговор удался, 20 марта 1440 г. Сигизмунда убили, однако самому князю Александру пришлось бежать в Москву. Князь Василий Васильевич наделил беглеца Суздалем, но в 1442 г. отобрал и передал город князю Ивану Можайскому, дабы отворотить его от дружбы с Шемякой. По сей причине литовский беглец перешел к князю Дмитрию Юрьевичу. Эти события описаны довольно подробно: «А со княземъ съ Дмитреемъ князь Иванъ Можайскы был на Угличи у него, и князь великы его отъзвалъ, а далъ ему Суздаль, а преже былъ за Черторижьскимъ. А князь Дмитри, а с нимъ князь Александръ Черторижьскои, после князя великого пришли ратью ольны до Сергеева монастыря безвестно, и не пусти ихъ игумень Зеновец, и еха напередъ сам игумень и помири ихъ»³⁹. По мирному договору с великим князем Василием князь Александр перешел во Псков. 25 августа 1443 г. он «целовал крест» одновременно и Пскову, и великому князю⁴⁰.

В 1447 г. князь Александр Васильевич ушел в Новгород. Случилось это по просьбе новгородцев, которых одолевали немцы⁴¹. 6 июля 1447 г. произошло сражение в устье реки Наровы. Там князь Александр Васильевич показал своё ратное мастерство. «И узреша Новгородичи оже

*Немце на бусахъ и на шнекахъ бежаху к Нарове, и поидоша Новгородичи на лодьяхъ противу ихъ, и начаша новгородичи и с немци пушками битися и стрелятися*⁴². Победа осталась за князем Александром, «...много их [немцев] на мори в бусах погибоша, а инии истопоша в мори, а инех руками поимаша 80 и 4 Немчина, и с ними два князья яша немецькая»⁴³. 27 февраля 1448 г. в Великом Новгороде было заключено перемирие на 5 лет и достигнуто соглашение о большом «съезде» на реке Нарове. Съезд состоялся, в нем принимали участие по 200 человек с каждой стороны. Новгородцев возглавлял князь Александр Чарторыйский. 25 июля 1448 г. «в день Иакова апостола» был заключен мир на 25 лет⁴⁴.

Весной 1452 г. князь Чарторыйский с новгородцами совершил поход на союзника великого князя Василия Темного можайского князя Ивана Андреевича. Поход этот помог князю Дмитрию Шемяке пробиться в Новгород. Тогда же Александр Васильевич женился на его дочери Марье Дмитриевне⁴⁵. Как видим, человек он был умудренный, битый судьбой и имевший далеко идущие планы. Соответственно и «двор» его был поистине княжеский. «А двора его кованои рати боевых людей 300 человекъ, oprичь кошовых»⁴⁶.

Другой служилый князь в летописях назван Василием Васильевичем Суздальским. Н. М. Карамзин считал, что это князь Василий Васильевич Шуйский Гребенка⁴⁷. Основанием служило упоминание прозвища в некоторых списках 1-й Псковской летописи⁴⁸. В родословной книге по списку князя М. А. Оболенского князь Василий записан среди внуков суздальского князя Семена Дмитриевича: «1-й Александр Глазатой, второй Иван Горбатой, третий Роман — бездетен, 4-й Андрей Лугвица — служил князю Ивану Андреевичю Можайскому, а убили его на Сухотрове литва, 5-й Борис — князь Семенов отец Суздальского, 6-й Василей Шуйский Гребенка — бездетен, который был в Новегороде Великом и служил из Новагорода»⁴⁹.

Князь Василий, упомянут в договоре его брата, князя Ивана Горбатого с великим князем Василием Темным. Договор датирован декабрем 1448 г. — июлем 1449 г. В нем великий князь обещает братьям своего партнера признать их права в случае повиновения. «А добыють челом мне, великому кн(я)зю, и моему с(ы)ну, великому кн(я)зю Ивану Васил(ь)евич(ю), и моим детем меншим твоя брат(ь)я княз(ь) Александръ и княз(ь) Василец, и мне, великому княз(ю), жаловати их вотчиною, их жребьи, по старине, что за ними было»⁵⁰.

Кроме князя Василия Гребенки, на роль «князя *Василия Васильевича Суздальского*» вполне подходит его родственник — князь Василий Васильевич Бледный. Князья были родственниками. Гребенка был внуком князя Семена Дмитриевича, а Бледный — правнуком старшего брата князя Семена, князя Василия Дмитриевича Кирдяпы. Отец князя Василия Бледного, князь Василий Юрьевич Суздальский, в 1445 г. отразил нападение немцев на Ям: «*Немци, местерь со всеми своими вои, пришедиши под город под Яму, бивши и пушками, и стоявши 5 дни, и по Вочкои земли и по Ижере и по Неве поплениши и пожгоши, а города убледе богъ и святыи архистратигъ Михаилъ, не взяша, а самых Немець много паде под городомъ, а иinei язвени отъидоша въ свою землю. А в то же время в городе въ Яме был князь Василей Юрьевич Суздальских князеи*»⁵¹. В летописи Авраамки даны подробности осады. В частности, в ней написано, что немцы «...бивши городъ пушками, а з города такоже противу пушками, и нарочитую ихъ пушку заморскую великую, и намерившее с города розбиши, и пужечника и многихъ добрыхъ Немецовъ поби». Но воеводой назван «князь *Василей Васильевичъ Суздальскихъ князий*»⁵². Что это? Описка, или в Яме находилось два князя Василия? И каких? Логичнее предположить, что отец и сын — князь Василий Юрьевич и Василий Бледный. Одновременно с боями на Нарове в июле 1447 г. под Ямом потерпел поражение другой немецкий отряд: «*А инех под Ямою городком побиши князь Василей с мужи новгородцы*». В некоторых списках летописи упоминается «*Василей Васильевичъ*»⁵³.

После отъезда князя Александра Чарторыйского, 14 января 1448 г. в Псков прибыл князь Василий Васильевич, названный в некоторых летописях Гребенка. «*Того же лета приеха князь Василей Васильевич, князеи суздальских, во Псков, из Великого Новаграда, в мытареву неделю, месяца генваря въ 14*». Новый князь получил «...княжю пошлину всю и целова крест исковичемъ во всеи исковъскои пошлине»⁵⁵. Княжение в Пскове ознаменовалось постройкой новой каменной стены и внутренним устройством⁵⁵. Летом 1455 г. князя Василия Васильевича позвали в Новгород. Несмотря на уговоры («*Посадники исковския и вси мужи псковичи много ему биша челомъ, рекуще ему: не езди господине от нас*»), князь Василий «...поеде прочь, месяца июля в 15 день, а былъ во Пскове пол осма года»⁵⁶. О том, какой двор вывел князь Василий Васильевич Низовской на бой 2 февраля 1456 г., сказать сложно. Может быть, он

сопоставим с двором его брата — Андрея Лугвицы, служившего князю Андрею Можайскому, под рукой которого зимой 1444–45 гг. находилось 100 человек⁵⁷.

Новгородская рать

О государственном, а соответственно, и военном устройстве «Господина Великого Новгорода» написано много. Однако и «белых пятен» осталось не меньше. Наиболее полно взаимоотношение властей в республике воссоздал В. Л. Янин в книге «Новгородские посадники». Согласно его исследованиям⁵⁸, устройство представляется в следующем виде: к середине XV в. всю власть де-факто узурпировала олигархическая боярская верхушка, представлявшая интересы боярских кланов — порядка 40 семейств. Кланов соответствовали городским административным единицам — «концам». Из их среды выбирались посадники. Представительство к 20-м гг. XV в. было следующим: от Славенского конца — шесть, от Плотницкого — два, от Неревского — четыре, от Прусской улицы (Людин и Загородский концы) — шесть (по три с конца). Всего восемнадцать, потом число посадников увеличилось до 24 человек, а в 60-х и 70-х годах до 36. По какому принципу определялись квоты, Янин не говорит, но, наверное, от числа боярских семейств в конце проживающих. Из посадников выбирался «степенной», т.е. старший, сроком на полгода. Вся земля в Новгородской республике принадлежала либо церкви, либо частным землевладельцам. Частные землевладельцы делились на три сословия — боярское, житье (по-другому — сословие своеземцев) и купеческое. Политическая власть принадлежала боярству, почти как в древнем Риме патрициям. Но если в Риме плебей мог пробиться во власть благодаря заслугам или богатству, то в Новгороде такого не случалось. Для руководства жителями существовал институт «тысяцких» из бояр. В конце XIV в. тысяцких, как и посадников, было шесть — по одному с конца и один старший — «степенной». К 70-м годам XV в. количество тысяцких увеличилось до восьми. К концу существования Новгородской республики её правительство состояло из 36 посадников, 8 тысяцких, 2 купеческих старост, архиепископа, архимандрита и 5 кончанских игуменов — всего 53 человека.

Боярским семействам принадлежало 12 508,5 обож пахотной земли из 36 658 обож, находившихся в частном владении. Всего землевладельцев

в Новгородской земле насчитывалось 1632 человека⁵⁹. Церкви принадлежало порядка 5500–6000 обож⁶⁰, из них треть — архиепископу, две трети — монастырям. Обрабатывали эти земли крестьяне, их приходилось чуть больше одного человека на обжу. Сохранились документы, показывающие отношение обрабатываемых земель к числу работников. К примеру, у землевладельца из сословия житых В. П. Деревяшкина 150 обож земли обрабатывало 170 «людей», у Д. М. Деревяшкина на 115 обож приходилось 117 «людей», у М. К. Домажирова на 116,5 обож — 118 «людей», у Алексея Квашнина на 128 обож — 129 «людей»⁶¹. В боярских хозяйствах ситуация не отличалась. У боярина Михаила Берденева было 87 деревень со 141 двором, 197 людьми и 153,5 обож земли, у четырех бояр Пантелеевых — 30 деревень со 163 дворами, 212 людьми и 177 обжами земли⁶². Следует помнить, что к категории «людей» относились домохозяева, трудоспособные мужчины, отцы семейств. Те, кому интересно знать общее число населения обоего пола, могут умножить количество домохозяев на 6 и получить искомое⁶³. Таким образом, на земле работало порядка 40 000 человек. Порядок цифр подтверждается и летописными известиями. В 1428 году великий князь литовский Витовт повздорил с Новгородом и совершил поход. Новгородцы откупились: *«И dokonчаша другую 5000 серебра, а шостую на полону, и то серебро браша на всех волостех Новгородчыхъ и по Заволочью, с десяти человекъ рубль»*⁶⁴. Нетрудно посчитать, что на тот момент в Новгородской земле и Заволочье вместе числилось порядка 60 000 «налогоплательщиков».

Земля в феодальном обществе служила основой формирования армии. К сожалению, у нас нет документов, регламентирующих норму воинского набора в Новгородских землях. Но мы знаем, как он проводился в Пскове. Псков долгое время считался частью Новгородской республики, её «пригородом». Соответственно, нормы были одинаковыми, опись земель в обжах сохранилась и после присоединения к Москве, как в Новгороде, так и в Пскове. У нас имеется три описания воинского набора XV в., производившегося там при разных обстоятельствах. В 1480 г. при нападении немцев на Вышгород псковичи *«...той ночи, иные на завтрее, много скрутившееся поеха с четыре сох конь и человек»*. В 1495 г. для оказания помощи великому князю *«...на Сvei на немцы... срубилися з десяти сох человек конны»*. Третий случай псковской мобилизации 1500 г. описан наиболее подробно. *«Князь псковской Александр Володимерович*

и посадники псковские и бояре и весь Псков порубившися з десяти сох конь, а з сорока рублев конь и человек в доспехе, а бобыли пешие люди, и поехаши конная рать, человек на кони в доспехе на Литвою князем великим в пособие»⁶⁵.

Соотношение новгородской сохи к обже тоже известно из летописи: *«З обжи соха, а обжа один человекъ на одной лошади ореть, а хто на 3-х лошадах и сам третей ореть, ино то соха»⁶⁶*. Можно ещё отметить интересный факт. Когда после падения республики великий князь Иван III наделял конфискованными землями новых помещиков из бывших боярских послужильцев, их дача колебалась от 20 до 30 обеж⁶⁷. То есть близко к 10 сохам воинского наруба.

Возвращаясь к новгородскому землевладению, видим, что на бояр приходилось порядка 4000 сох, на житых и купцов — около 8000. Следовательно, для наступательного похода бояре должны были выставить примерно 400 конных воинов в доспехе, житьи и купцы — 800. Для оборонительных действий — 1000 и 2000 всадников соответственно. Боярские дворы, состоявшие из бояр и их боевых слуг — *«детей боярских»*, подчинялись посадникам, отряды житых и купцов — тысяцким.

По концам воинство делилось, надо думать, согласно представительству посадников. Таким образом, на Славенский конец и Прусскую улицу могло приходиться по трети всех сил, на Неревский и Плотницкий концы — оставшаяся треть. Причем неревский отряд вдвое превышал плотницкий. Но, вероятнее всего, для наступательных походов действовал старинный принцип *«по сто с конца»*, когда в поход отправлялись только добровольцы.

«Владычин полк» должен был насчитывать 200 или 500 всадников. Следовательно, те, кто служил от архиепископской трети, для поддержания порядка находились в городе попеременно. Позднее их называли *«недельщиками»*.

Кроме «регулярной армии» к военным действиям привлекались *«шилнъки»* — добровольцы, представители *«черных людей»*. Они действовали в основном в составе *«судовых ратей»*, перемещались на насадах и ладьях, а сражались в пешем строю. Вооружали и снабжали их бояре.

Примерно так выглядело новгородское войско в своем последнем успешном походе зимой 1435–1436 гг.: *«Тое же зимы ездиха воеводы Новгородчкыи, посадникъ Иванъ Васильевичъ, посадникъ Григорейи*

Кюриловичь, тысячкии Федоръ Олисиевичь, Есифъ Васильевичь, Онанья Семеновичь, Остафья Норовыхъ, и бояри Новгородчкии и Новгородци, а с Рушани Федоръ Остафьевичь, Михаило Буносовъ, и владычнь дворъ молотце, и Порховичи, ратью на Ржеву, и разделишася на 3 пути, и казниша ржевичь и повоеваша и села их все пожгоша»⁶⁸.

Справедливость подсчета вероятной численности новгородской рати можно проверить и по более поздним данным. Известно, что после присоединения Новгородской земли к Московскому государству на конфискованных у новгородских землевладельцев, светских и духовных, землях было размещены «служилые люди» — помещики. По данным К. В. Базилевича, в период с 1484 по 1500 гг. землей наделили 1310 человек. С. Б. Веселовский, учитывая неполноту данных К. В. Базилевича, предположил, что общая численность новгородских помещиков достигала 2000 человек. Правда, и площадь конфискованных земель он увеличил до 58640 беж⁶⁹. Эти люди составили костяк «силы новгородской» — рати, прикрывавшей страну с северо-запада. Для её усиления осуществлялся набор «черных» людей с остальных земель, самого города и пригородов. Полная роспись одного такого набора сохранилась до наших дней⁷⁰. Согласно документу, предполагалось набрать 1973 человека «на конех» и 2000 пищальников, половину конных, другую — пеших. То есть общее число мобилизованных почти через 100 лет не превышало 6000 человек. И это всё, на что могла быть способна Новгородская земля.

Войско князя Василия Суздальского

В официальных московских летописях говорится о пяти тысячах новгородцев, участвовавших в битве под Русой. «И тогда бысть весть к ним, а и сами видяху, что идет на них от Новгорода, рать велика велми, пять тысяч их бяше»⁷¹. Такое число ратников можно принять как всё, что мог собрать Новгород, да ещё с учетом прибывших уже после битвы подкреплений из Пскова. А мы знаем, что к Русе пошла далеко не вся новгородская сила — «не в мнозе силе бояре, и житьи люди, и молодехъ людей немного». Поданная «весть» могла быть простой дезинформацией, призванной напугать врага. Либо известный с XIII в. новгородский обычай сбора войск «по сто с конца» превратился у московских летописцев в новый — «по тысячи с конца».

В передовой рати князя Василия, кроме его самого, перечислены по именам степенной посадник Иван Лукинич Щока, степенной тысяцкий Василий Пантелеевич, посадники Есиф Васильевич Носов и Михаил Иванович Туча, не титулованный Василий Александрович Казимир, Труфан и Микита Фаустов⁷².

По списку посадников, составленному В. Л. Яниным⁷³, все вышеперечисленные лица отнесены к Плотницкому концу или Прусской улице (Людин и Загородский концы). Однако сам Янин выражает сомнение в идентификации Есифа Васильевича Носова. Как известно, Яжелбицкий мирный договор за концы подписывали три посадника и два тысяцких. Участие тысяцких в подписании договора было вызвано последствиями битвы под Русой, где один посадник погиб, а другой попал в плен⁷⁴. Одним из этих тысяцких был уже известный степенной Василий Пантелеевич, вторым был Яков Иванович, скорее всего, Селезнев, ставший в 1460 г. посадником от Неревского конца, а до того времени он вполне мог быть неревским тысяцким. Наличие неревских бояр в войске подтверждается и участием в битве Василия Александровича Казимира, он тоже впоследствии стал сначала тысяцким, потом посадником от этого конца.

Исходя из того, что войско не было собрано полностью, и оперативно могли быть двинуты в бой только те, кто находился в городе, резонно предположить участие в вылазке двора князя Василия и «...*молодцев владычина двора*». Княжеских дворян могло быть не больше 100, архиепископских ратников не более 200. Остальное воинство, наверное, было собрано «*по сто с конца*». Бояре и дети боярские одного из концов (Людина или Загородского) Прусской улицы степенного посадника Ивана Лукинича, бояре и дети боярские Неревского конца Есифа Васильевича Носова, бояре и дети боярские Плотницкого конца Михаила Ивановича Тучи. Скорее всего, к тому времени успели собрать житьих Плотницкого конца тысяцкого Василия Пантелеевича, но их не могло быть более 200. Всего до 800 всадников. Степенной посадник Иван Лукич, надо думать, руководил житьими других концов, что успели прибыть в город с объявления войны. Остальных должен был дожидаться князь Александр Чарторыйский.

То, что войско было полностью конным, не вызывает сомнения, иначе оно не могло преодолеть почти пятидесятикилометровый переход по льду озера Ильмень с обеда до ночи. О вооружении новгородской

рати известно, что у неё имелись *«крепкия доспехи» «копия долга»*⁷⁵. Наверное, это можно объяснить «избранностью» рати. Туда вошли дворы служилого князя, архиепископа и знатнейших бояр. По сути, это были *«парадные»* бойцы, в отличие от тех, кто позже, на Шелони, говорил, что де *«...язь человекъ молодыи, испротеряхся конемъ и доспехомъ»*⁷⁶. Образцы вооружения копировались с соседей — литовцев и ливонцев, чего нельзя было сказать об умении ими пользоваться в боевых условиях. Последний крупный поход объединенное новгородское войско, как указано выше, совершило зимой 1435–1436 гг., то есть двадцать лет назад. Да и тот выразился в грабежах и разорении ржевских земель, а не в боях с адекватным противником. Хорошие доспехи не могли восполнить недостаток боевого опыта.

Московская «загонная рать»

Московское войско, напавшее на Русу, вызывает меньше вопросов. Все источники подтверждают, что там были дворяне великого князя, даже Авраамка в своей летописи, правда, он называет их *«шестниками»*. Но *«шестник»* по Далю — *«служитель на княжьем дворе»* (хотя есть и ещё одно значение — *«проходимец»*⁷⁷). По-видимому, Авраамка не нашёл другого слова, чтоб и истину соблюсти, и показать своё отношение ко двору великого князя московского.

Феодалная война 1425–1456 гг. полностью перечеркнула пестовавшийся великими князьями Дмитрием Ивановичем и Василием Дмитриевичем территориальный принцип воинской службы. В ту войну возобладал принцип личной службы: *«А кто которому князю слоужит, где бы ни жил, тому с тем князем а и ехати, кому служит»*. Территориальный принцип сохранялся только при вражеском вторжении: *«А городная осада, где кто живет, томоу тутю и сести, опроче поутных боярь»*⁷⁸. Любой служилый человек мог поступить на службу во двор к любому князю. Но князья брали к себе людей *«конных, людных и оружных»*, обладавших землями и способных прокормить и снарядить себя и своих людей для войны. Одиночке попасть в княжий двор было тяжело, но, если это происходило, он получал поместье. В основном так поступали на службу выходцы из чужих земель. Например, мурза Ждан по прозвищу Баран поступил на службу в 1430 г. Он заключил ряд о том, чтобы служить при князе *«...на коне, при лукахъ со стрелами»*, за что *«...пожалованъ*

при дворе комнатнымъ и данъ ему ключь»⁷⁹. Если не удавалось поступить на службу к князю, можно было поступить к боярину, который со своим двором тоже служил какому-либо князю. Городовые рати собирались только для отражения внешних нападений или в ближний поход на соседние земли. В дальние же походы ходили только дворы.

Ещё следует отметить один момент. Термин «сын боярский» в Новгороде и Москве хоть и обозначал военного служилого человека, но отличался по статусу. В Новгороде это был обычный послужилец боярина, фактически холоп. В Москве «*дети боярские двора великого князя*» тоже именовали себя «*холопами*», но «*великого князя*». Таким «*холопом*» мог стать и князь, и боярин. У них, в свою очередь, были свои послужилцы, которые «*детьми боярскими*» не считались, хотя по рождению могли ими быть. Княжеские дворы и входившие в них дворяне постоянно пребывали «в строю», князь мог призвать их в любую минуту, а дворянин должен был незамедлительно явиться. Боевого опыта за время войны, длившейся 30 лет, они набрались достаточно, многие «родились и выросли» в седле.

Воеводы

Воеводами московской рати названы князь Иван Васильевич Стрига Оболенский «с братией» и Федор Васильевич Басенок. В Летописи по списку Дубровского добавлены ещё «...*Иван Ильин, да Михаило Русалка*».

Род князей Оболенских относился к черниговской ветви Рюриковичей. Первым получившим фамилию Оболенский был князь Константин Юрьевич. Он погиб в «*Ольгердово нахождение*» 1368 г., его сыновья Семен и Иван участвовали в Куликовской битве. В августе 1449 г. сын последнего, Василий Иванович Косой Оболенский упоминается как князь Тарусский в договоре великого князя Василия Васильевича с королем польским и великим князем литовским Казимиром⁸⁰. Во время феодальной войны князь Василий Иванович Оболенский всегда оставался верен князю Василию Васильевичу. Зимой 1443–44 гг. он вместе с Федором Голтяевым был воеводою великокняжеского двора в походе против татарского царевича Мустафы. Поход окончился победой на реке Листани⁸¹. 27 января 1450 г. князь разгромил Дмитрия Шемяку под Галичем⁸². По стопам отца пошел и старший сын Василия — князь Иван Васильевич, прозванный Стригой.

В июне-июле 1446 г. он участвует в заговоре «детей боярских великого князя», целью которого являлось освобождение Василия Темного из заточения в Угличе. Удача отвернулась от заговорщиков, они бежали в Литву. Туда же бежали и прочие сторонники Василия Темного, в том числе и Федор Басенок. Объединившись, доброхоты свергнутого князя Василия предприняли «освободительный поход», который и завершился захватом Москвы на Рождество 1446 г.⁸³ 13 апреля 1449 г. князь Иван Васильевич Стрига вместе с Федором Басенком во главе двора великого князя отразили попытку князя Дмитрия Шемяки захватить Кострому⁸⁴.

Князья Оболенские, в то время, ещё оставались, судя по всему, владельческими князьями. Они имели свои вотчины и служили великому князю по «ряду» со своих владений. У них должен был быть свой военный двор, входивший в состав двора великокняжеского. Скорее всего, военный двор у князей Оболенских был общим, это объясняет летописную фразу — «...кн(я)зь Иван Васил(ь)евич Стрига з братиею». Это вовсе не обозначает, что с князем Иваном были все пять его родных братьев и почти два десятка двоюродных. Это значит, что с ним были все послужильцы Оболенских, которые служили и его отцу, и всем дядьям.

Федор Васильевич Басенок — человек ниоткуда, о его происхождении ничего неизвестно, продвижение по службе исключительно его личная заслуга. В летописях иначе как «удалой воевода» Федора Васильевича его никак не называют. Первое упоминание о Басенке появляется в записи о битве с татарами на Листани. Непонятно, был ли он тогда уже в составе двора великого князя, или являлся ратником коломенского полка. Однако отметка «тогда же мужествова Федор Васильевич Басенок»⁸⁵ о простом ратнике замечательна. В 1445 г. после ослепления Василия Темного один Басенок прилюдно отказался присягать Шемяке. За это был закован в «железа», однако, подговорив пристава, бежал, собрал вокруг себя множество детей боярских двора великого князя и ушел в Литву, по дороге чуть не захватил изгоном богатейший город Коломну⁸⁶. Потом участвовал в «освободительном походе», а в 1449 г. оборонял Кострому. В 1452 г. вместе с князем Семеном Ивановичем Оболенским руководил двором великого князя в походе на Устюг⁸⁷. В 1455 г. во главе двора великого князя Басенок отразил нападение Солтана царевича из Седи Ахметовой Орды у Коломны⁸⁸. Федор Басенок имел большой боевой опыт и ратный талант. Но кроме этого у него были «особые отношения»

с матерью великого князя — с великой княгиней Софьей Витовной. Она дала удалому воеводе «*на Коломне село свое Окуловское, да Репинское*»⁸⁹. За какие заслуги, доподлинно неизвестно.

Почти во всех своих походах воевода Федор Васильевич взаимодействует с воеводами из князей Оболенских. Создается такое впечатление, что одну часть великокняжеского двора составляли дворы титулованной знати, во главе которых стояли воеводами князья Оболенские, а другую часть — нетитулованные лица. Этой частью и командовал Басенок.

У Авраамки упоминается ещё один московский воевода — Семен Карамышев. Причем он стоит на первом месте, перед Федором Басенком. Подобное имя задолго до наших событий встречается в летописях под 1410 годом в связи с погромом города Владимира. Тогда «...князь Данило Борисовичъ Нижняго Новгорода приведе къ себе царевичя Талычу и посла съ нимъ изгономъ къ Володимерю боярина своего Семена Карамышева, а съ нимъ полтараста Татаръ, а Руси полтараста же, и приидоша къ Володимерю лесомъ безвестно изъ за реки Клязмы, людемъ въ полдень спящемъ. а града тогда не было, а наместника Юрья Васильевичя Щоки не было же въ граде»⁹⁰. Город взяли и разграбили. «Сия же злоба сключися июля въ 3 д(е)нь от своих брат(ь)и кр(е)стиян»⁹¹. Возможно ли такое долголетие нижегородского боярина? Если в 1410 г. ему было лет 30, то в 1456 г. — 76, если 20, то, соответственно, 66? Конечно, жизнь в средневековье была сопряжена с опасностями и всякими неприятностями, но ведь случались и долгожители. Князь Витовт, например, прожил 80 лет и до последнего дня водил рати и любил охоту. В родословной Карамышевых говорится именно так. Однако современные исследователи считают, что у Семена Карамышева, разорившего Владимир в 1410 г., был сын Семен Семенович, который ратоборствовал под Русой в 1456 г.⁹² Но доводы, ими приводимые, довольно шаткие.

Наконец, в летописи по списку Дубровского имеется уникальное известие об участии в битве еще двух лиц: «*Иван Ильин, да Михаило Русалка*». В данном списке особое внимание уделено роду Квашниных, поэтому личность Ивана Ильина, установить легко. Это внук известного боярина великого князя Дмитрия Донского — Ивана Родионовича Квашни. Его отец Илья был вторым из трех сыновей боярина⁹³. Он играл большую роль во времена правления великого князя Василия Дмитриевича⁹⁴. Семейство Квашниных тесно связано с «*волоцкой ратью*»,

и участие в битве воеводы Ивана Ильича Квашнина намекает на её участие в походе.

Другой воевода принадлежал к роду Морозовых⁹⁵. Михаил Яковлевич Русалка был человек примечательный. Его отец — Яков Константинович Жест, служил князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому дворецким или казначеем. Но, видимо, он повздорил после смерти князя со старшим сыном покойного — князем Василием Юрьевичем, и тот забрал у Якова казну отца. Наверное, это привело Михаила Яковлевича в стан сторонников великого князя Василия Васильевича. За это Михаил Русалка получил в 1435 г. тарханную грамоту на свою вотчину «...въ Кинеле и в Городьском уезде в Переяславьскомъ». Надо думать, тарханную грамоту он получил после смерти отца и старшего брата, так как вводная часть звучит как подтверждение «ярлыка» на родовое владение. «*Се яз, князь(ь) велики Василей Васил(ь)евич(ь), по прапрадеда своего грамоте великого княз(я) Ивана Даниловича, и по стрья своего грамоте великого княз(я) Семенаве Иванович(а), и по прадеда своего грамоте великого княз(я) Иванове Иванович(а), и по деда своего грамоте великого княз(я) Дмитрия Иванович(а), и по отца своего грамоте великого княз(я) Васил(ь)я Дмитриевич(а), пожаловал есмь Михаила Яковлича и его детей*»⁹⁶. С тех пор Михаил Русалка верно служил великому князю. В 1446 г. он участвовал в заговоре с целью освобождения ослепленного Василия Васильевича, а впоследствии в 1464 г. стал у него дворецким⁹⁷. У Михаила Яковлевича имелся свой военный двор, так как его послужильцы были среди тех, кого наделили конфискованными новгородскими землями в конце XV века⁹⁸.

О численности дворов

Осталось только выяснить, какой могла быть численность великокняжеского двора. К счастью, в летописях оставили довольно много сообщений по этому поводу. В 1435 г. князь Василий Юрьевич потерпел поражение в битве со своим двоюродным братом великим князем Василием Васильевичем. После чего бежал в город Кашин, там ему помог великий князь тверской Борис Александрович. Он «...присла... кони, и портъ, и доспехъ, и собрася к нему, дружины его 300 человекъ»⁹⁹. За 1436 г. имеется известие о воинском дворе князя Дмитрия Шемяки в составе рати князя Василия Юрьевича. В ней были «...княжи Дмитриевы братни

дворяне 500 человек»¹⁰⁰. Летом 1445 г. для отражения татар под Суздалем собрались «дворы» великого князя Василия Васильевича и удельных князей Ивана и Михаила Андреевичей и Василия Ярославича, общая численность составила «яко не с тысячу»¹⁰¹.

Столь небольшой состав воинских дворов четырех князей московского дома, в среднем по 250 человек, можно объяснить произошедшими зимой 1444–45 гг. событиями. В ту зиму великий князь Василий Васильевич предпринял грандиозный поход на Нижний Новгород, где засел хан Улуг-Мухаммед. «А князь великий Василей Васильевич пошел тогда со всею братьею к Володимерю, князь Дмитреи с ним Шемяка, князь Иван да князь Михаил Ондреевичи, князь Василей Ярославич и со всеми князи своими, и бояры, и воеводами, и со всеми людьми противу царя Махметя»¹⁰². Это, пожалуй, был единственный случай за годы войны, когда все князья сплотились. Однако военные действия протекали с переменным успехом. Хан успешно маневрировал, схватки занимали огромную площадь от Муром до Нижнего Новгорода и Луха. Поймать Улуг-Мухаммеда в ловушку не удалось: «Царь же, слышавъ то, възвратися съ бегомъ къ Новугороду»¹⁰³. В довершение всего, на западные рубежи напали литовцы. Пришлось возвращаться, так как оставленных сил явно не хватало.

В вопросе отражения нападения много тёмных мест. Начнем с того, что московская традиция дает три версии событий. Первая: «А на Колугу Литва приходила 7000, а князь Михайло Андреевичъ съ четырема сты бился съ ними»¹⁰⁴. Вторая: «А князь Михайло Ондреевичъ слышавъ то, и посла князя Андрея Лугвицю, а съ нимъ 300 человекъ, а самъ бе боленъ тогда»¹⁰⁵. Весьма похоже и сообщение: «Князь Михайло Ондреевичъ Можайской боленъ бе тогда, но слышавъ, посла на нихъ въ треюсотъ человекъ воеводу, и пришедшее на нихъ, погнаша ихъ»¹⁰⁶. Третья, наиболее распространенная: «Слышавъ же то Можайчи княже Ивановы Андреевича, а князя Ивана Андреевича тогда въ Можайске не было, и собрася Можайчевъ сто человекъ; а воевода у нихъ князь Андрей Васильевичъ Лугвица Суздальскихъ князей. Также слышавше и брата его князя Михаила Андреевича люди, и собрася ихъ сто же, а князя Михаила Андреевича тогда у себя въ Верее не было; а воевода у нихъ Судокъ. Также слышавше и княжие Васильевы Ярославичя люди и собрася ихъ 60 человекъ, а князя Василья Ярославича тогда въ Боровъсе не было; а воевода у нихъ Жыневъ»¹⁰⁷.

Следует посмотреть, насколько можно доверять множеству цифр, приведенных в источниках, откуда они могли попасть в летописи? Ответ на этот вопрос нашел ещё Н. П. Лихачев — цифры пришлты из разрядных книг. В источниках упоминаются разрядные книги «великого князя Василия Дмитриевича и великого князя Василия Васильевича», «великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки», «великого князя Василия Володимировича и великого князя Константина Дмитриевича»¹⁰⁸.

Следы этих записей остались в «частных» разрядных книгах, опубликованных В. И. Бугановым¹⁰⁹. Причем сведения разрядов, попавшие в летописи ещё в XVI в., намного более полны и точны, чем оставшиеся в «частных» разрядных книгах, составленных в XVII в. Таким образом, числам, указанным в летописях, доверять можно, во всяком случае, в отношении московских и удельных ратных сил.

Далее постараемся устранить кажущиеся несуразности летописных текстов. Как мы знаем из описания зимнего похода, все удельные князья находились со своими дворами вместе с великим князем на восточных границах, соответственно, первую версию можно считать ошибочной. Скорее всего, в ней отразилась важная роль двора князя Михаила Андреевича в произошедших событиях. Вторая версия более вероятна. Как уже отмечалось, поход на Улуг-Мухаммеда происходил в тяжелых погодных условиях. Молодой князь вполне мог заболеть и находиться не в боевых порядках, а в ближайших тылах, в том же Владимире, вместе со своим двором, исполняя роль «сторожевого полка». Он же первым должен был узнать о неблагоприятной обстановке, сложившейся на западе. Единственным разумным решением в такой ситуации стала посылка двора, находившегося под рукой, на помощь. Таким образом, вторую версию можно принять, если внести соответствующие поправки в последовательность событий. Посылка двора с воеводой произошла уже после того, что описывается в третьей версии. Причем верить следует варианту Софийской второй летописи, где имя воеводы не указано. Если наши рассуждения верны, то мы имеем ценные сведения о численности двора князя Михаила Андреевича Верейского — 300 человек. Третья версия событий не вызывает сомнений ни у кого из исследователей. В случае отсутствия князя в стольном граде на его место назначался наместник. Наместник отвечал за оборону и порядок вверенного ему города и уезда и получал под свою команду всех детей боярских и слуг,

не принимающих по каким-либо причинам участия в предприятии князя. К таким обычно относились люди, числившиеся в «городовой» и «осадной» службах. Они по причине бедности, возраста, состояния здоровья не могли совершать «дальние походы», но для защиты своих земель вполне годились. Наместником в таком случае назначался первый из бояр княжеской думы. К примеру, зимой 1439–40 гг. в «приход» Улуг-Мухаммеда на Москву, Василий Васильевич «...на Москве остави воеводу своего князя Юрья Патрекеевича»¹¹⁰. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и зимой 1445 г. Наместники удельных князей действуют активно, на свой страх и риск, не дожидаясь распоряжений от сюзеренов, а только известив их о случившемся. Среди таких наместников-воевод мы видим: Можайского — Андрея Васильевича Лугвицу, Верейского — Ивана Судока, и Боровского — Жичева, или в некоторых написаниях Жинева.

Определимся с численностью участников событий. Из одного комплекса московских источников мы имеем следующие цифры: 100 можаичей, 100 вереичей, 60 боровичей. Из другого — 300 человек, посланных князем Михаилом Андреевичем. Из третьего — 400 человек, с которыми Михаил Андреевич якобы бился с Литвой. Литовские источники определяют силы Москвичей в 500 человек. Это число фигурирует в древнейших списках Супрасльском и Уваровском: «И собравшас Москвичи за ф (500) их и погнаша погоню за Литвою»¹¹¹. В них число обозначено буквой «ферт». В Хронике Быховца число писано словами: «У sobrawszysia moskowicz piat'sot u pohnali w pohoniu za litwoiu»¹¹². В более поздних списках какой-то грамотей попутал букву «ферт» с буквой «фита», означавшей цифру 9. Получалось, что 9 москвичей погнались за литовским войском, потом 9 превратилось в 9000, но, видимо, понимая всю несуразность, «их» поменяли на «дни». В итоге в поздних списках фраза звучит: «И Москвичы собравшыся за девять дней погнались за Литвою»¹¹³. Думаю, теперь каждому понятно, что ни число 9000 человек, ни 9 дней не вызывают никакого доверия. Справедливости ради надо отметить, что подобные «арифметические упражнения» свойственны и московским летописям. Так известная уже фраза «а князь Михайло Андреевич съ четырема сты бился съ ними», превратилась в «а князь Михайла Андреевич с четырема с тысящи бися с ними»¹¹⁴. Всего-то надо было от слова «сты» отделить предлог «с», а к «ты» приписать окончание. Примерно также можно разобрать и фразу «а на Колугу Литва приходила 7000», или в другом

варианте «а рати съ ними 7000», в отношении литовского войска. Скорее всего, она связана с 7-ю днями, что литовцы стояли под Козельском. Но это займет много времени, очевидно одно — 7000 в литовском войске не было. Данную истину ещё в XVIII в. понял Василий Татищев и написал в своем труде: «А рати с ними 1000»¹¹⁵. Имел ли «последний летописец» документ, подтверждающий это, или сие плоды его собственных размышлений — неизвестно. Но в его времена старинных манускриптов было намного больше, нежели осталось на сей день.

В итоге наши математические изыскания позволяют сделать вывод, что цифры вовсе не противоречат, а дополняют друг друга. 100 жогаич, 100 вереич и 60 боровчан — это двory наместников и городовые ратники собранные в «осаду». 300 человек — двор верейского князя Михаила Андреевича, посланный на помощь. 400 человек — только люди князя Михаила Андреевича: двор князя плюс двор наместника и городовые. 500 человек — общее число московских ратников, участвовавших в сражении: двор князя Михаила Андреевича, люди, собранные наместниками, за вычетом городских Боровска, кои от участия уклонились (боровчан нет в списке потерь). Возможен также вариант, что в действительности в бою участвовало только 400 человек. Двор князя Михаила во время спешного похода от Мурома до Малоярославца в условиях морозной зимы мог понести огромные потери, в первую очередь заболевшими, обесконевшими и отставшими. Возможно, и сам князь заболел именно в начале этого марш-броска, в этом случае часть дворян обязана была остаться с ним.

Из приведенных примеров видно, что численность военных дворов не превышала пятисот всадников. Число это несколько увеличится за счет «кошевых», но они в битвах не участвовали. Можно ориентироваться на число воевод, под рукой которых обычно было до 100 всадников. Под Русой их было пятеро. Приводимое в Летописи Авраамки количество московской рати в пять тысяч можно отнести ко всему войску князя Василия Темного, находившемуся на Волоке, то есть это двор великого князя, двory «его братии», татары, городовые рати ближайших земель.

Вооружение московских ратников середины XV в. во многом напоминало восточное. Это обусловлено как и влиянием главных врагов-союзников — ордынцев, так и характером военных действий во время гражданской войны, когда походы совершались стремительно, а битвы решались одной лихой атакой. Все войско было конным, каждый

всадник в зависимости от достатка имел от 2 до 6 коней, на них не только попеременно совершали поход, но и меняли их в ходе битвы. Так что воин всегда был на свежем коне. В наступательный комплект включался «саадак» — лук с налучьем и колчан для стрел, иногда дополнявшийся сулицей — легким метательным копьём. Для ближнего боя и преследования служили сабля, палица, кистень — в зависимости от достатка, всадник мог иметь один или несколько предметов из этого арсенала.

Битва

Сама битва с дополняющими друг друга подробностями красочно описана в двух версиях: официальной «московской», вошедшей в большинство летописных сводов, и в «новгородской» летописи Авраамки. Выдающийся исследователь эпохи А. А. Зимин считает, что вторая версия «...более обстоятельна и правдоподобна»¹¹⁶.

Москвичи захватили город «...изгониши Русу, в понедельник на сырной недели», сырная неделя — это Масленица, последняя неделя перед Великим Постом, она заканчивается Прощеным Воскресеньем. В 1456 г. Прощеное Воскресенье было 8 февраля, соответственно, понедельник приходился на 2 февраля. Эта дата указана и в Псковской летописи¹¹⁷.

Руса по тем временам огромный населенный пункт: по описаниям начала XVI века в ней насчитывалось 1542 двора¹¹⁸, а соответственно, и население порядка 9000 душ обоого пола и всякого возраста. Ограбить до нитки столько народу было непросто. Но если Семен Карамышев был тем самым, что грабил в 1410 г. Владимир, то у него имелся бесценный опыт, коим он и поделился с молодыми воеводами. Судя по всему, город ограбили подчистую. Награбленное добро следовало доставить в главный стан. Для этого сформировали обоз и отправили к крепости Демон, которую осаждал великий князь Василий с основными силами: «И с тою многою корыстию вся люди своя впрעדъ себя отпустиши, а сами главами своими, воеводы и дети боярские, с малыми людьюми, без коих нелзе быти имъ, поосташася, выпустивъ своихъ подале, да за ними же поити к великому князю»¹¹⁹.

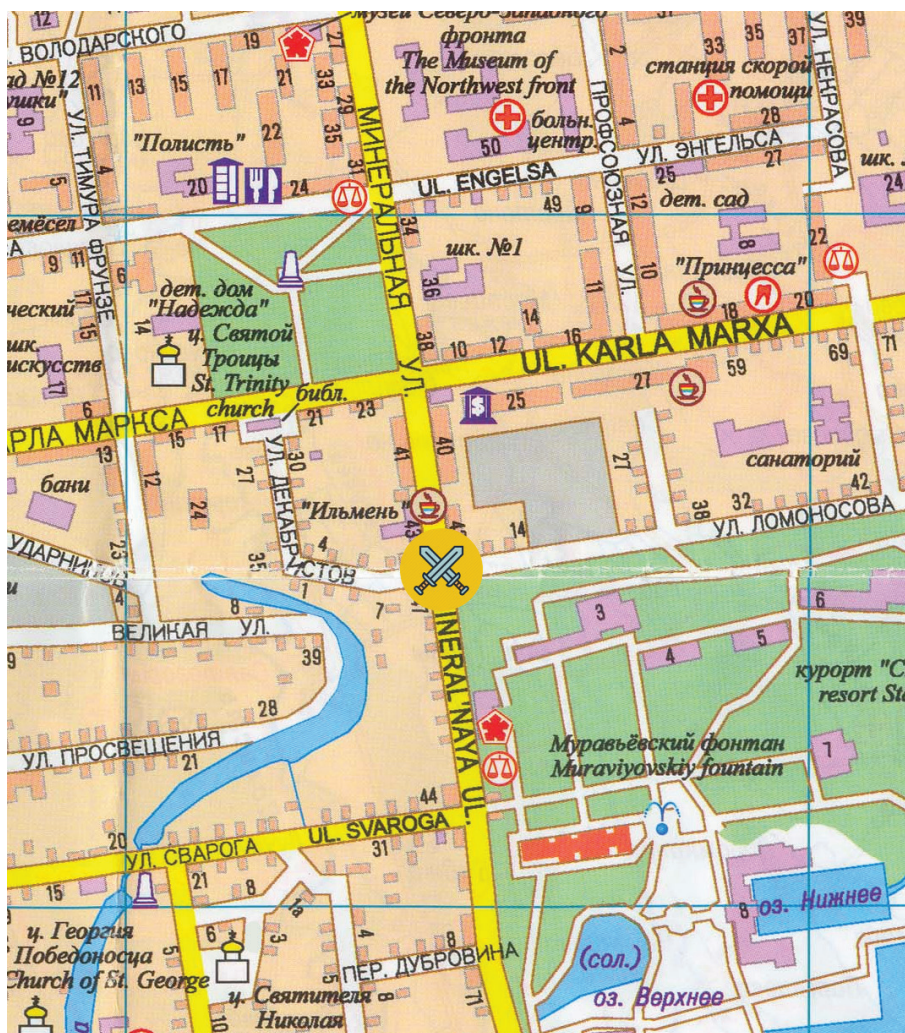
Из написанного можно понять, что большая часть войска ушла с обозом, скорее всего, во главе этой части стоял самый знатный из воевод — князь Иван Васильевич Стрига. С ним ушли двое воевод поменьше — Иван Ильич Квашнин и Михаил Яковлевич Русалка. Именно поэтому

имена этих воевод неизвестны новгородцу, источнику летописи Авраамки. Он знает только Семена Карамышева и Федора Басенка — воевод, оставшихся в городе прикрывать обоз от возможной погони. С ними остались только бойцы, все слуги и кошевые убыли с обозом, «...а сих до дву сотъ не остана»¹²⁰. Выждав немного, они должны были тоже двинуться к стану великого князя.

В то же время новгородцы начали наступательные действия. «А въ вторникъ порану князь Василей Васильевичъ Низовъскый, не пождавъ нимало, пошолъ со Озвада своимъ дворомъ к Русе, и бояре Новгородчкыи, котореи с ним выехаша, и приехаша к Русе, и въструбиша, и услышавъ то Москвице и Татарове»¹²¹. Непонятно, что послужило толчком к столь поспешному решению. Надо думать, беглецы из города достигли новгородского стана, рассказали об ушедшем обозе и малом числе врагов. Необходимо было «отбить полон», для этого и существовал «служилый князь». С двором князя Василия Низовского отправились далеко не все, кто вышел с ним из города, а только бояре со своими людьми, не более 400–600 всадников. Но и эти силы превосходили захватчиков в 2–3 раза. Удар намечался быстрый, с преследованием обоза, ушедшего в ночь. На закованных в броню конях такое было невозможно, потому кони оказались незащищенными.

В Русе появление новгородцев произвело переполох. «И тогда бысть вестъ ним, а и сами видяху, что идет на них от Новагорода рать велика велми». Воеводы и дети боярские не знали, как поступить. «Видевше же устрашишася, потом же начаша глаголити межи собой». Перед ними встал вопрос: что хуже, погибнуть в бою с врагом или попасть под гнев своего государя за неисполнение своих обязанностей? «Что створим, аще не поидем противу их битися, то погибнем от своего государя великого князя, понеже корысть взяхом и воя с тем отпустихом, но лучше помрем с ними за правду своего государя, а за их измену». В конце концов, решили, что погибнуть в бою лучше. «И поидоша противу имъ»¹²². Надо думать, к ушедшему обозу послали гонца с просьбой о помощи.

Первая победа в схватке осталась за новгородцами. «И съступишася, бысть бой у Ильи святого на огородахъ, и паде ту Москвиць и Татаров 50 человек; и побегоша Москвице в Русу, а Новгородци поидоша за ними по улицам и по двором, а ины шедшие с конев и почаша снимать и с шестников и Татаров битых ту платье и доспехы»¹²³.

Место сражения под Русой у церкви «Ильи святого на огородах», находившейся на пересечении нынешних улиц Ломоносовская и Минеральная

Скорее всего, москвиты и татары не успели применить свой излюбленный приём — «хоровод». «Хоровод» представлял собой замкнутое (вероятно, вытянутое вдоль вражеского строя) кольцо конных лучников, поражающих врагов стрелами на полном скаку. Учитывая скорость стрельбы из лука, можно с большой долей уверенности утверждать, что воин-степняк, пронсясь вдоль строя противника, выпускал по врагу

не одну, а 2–3 и более стрел. Такой прием «...требовал от лучников высокой точности движений, координации и дисциплины, поэтому воины, участвующие в „хороводе“, были разделены на отдельные небольшие отряды (десятки?) во главе с „вожатыми“, точно знающими положение своего подразделения в строю»¹²⁴. Этому умения московские дети боярские ещё не достигли в совершенстве. Повторилось то, что случилось за двадцать лет до того под Скорятино. Тогда друтский князь Иван Баба «...изряди свои полкъ с копии по Литовскы». Стремительная атака конных копейщиков на не успевших развернуться лучников решила исход битвы. Именно князь Иван пленил князя Василия Юрьевича, «...поймавшие князя Василья привелоша к великому князю»¹²⁵.

Но и новгородцы совершили ошибку. Они потеряли темп, занявшись грабежом павших врагов. Это позволило москвитам втянуться в город и закрепиться за плетнями. «Бысть же плетень межъ их и суметы снежные великы и не бе имъ вместо снятса лзе. Вои же великого князя видевшие крепкия доспехи на Ноугородцех, и начаша стрелами бити по конех их. Кони же ихъ, яко възбеснеша и начаша метатися под ними, с себя збивати их. Они же не знающе того боа, яко омертве, и руки им ослабеша, копиа же имяху долга, и не можаху възднимати их тако, яко же есть обычаи ратным, но на землю испускающее их, а конем бьющимся под ними, и тако валихуся под кони свои, не могуще здержати их»¹²⁶.

Многие исследователи отрицают возможность таких действий московских детей боярских. Но на миниатюре лицевого летописного свода, посвященной бою у Русы, изображен именно плетень и московские ратники, стреляющие из луков из-за плетня¹²⁷. Миниатюры лицевого свода достаточно условны, но основные моменты изограф подчеркивал специально. Это касается плетня, «немецких» шлемов на некоторых новгородцах и копий. «Копиа долга» изображены длиннее обычных, а их наконечники крупнее и шире, чем у копий с других миниатюр. Подобное можно отметить и на миниатюре, посвященной бою при Скорятино. Там двор князя Ивана Бабы изображен в «немецких шлемах» и с копьями более длинными, чем у окружающих. Наконечники копий, как и на миниатюре с боем у Русы, крупнее и более четко прорисованы¹²⁸.

Новгородский источник дает несколько иной взгляд на ход боя. «Исплошишася Новгородци, а того не видяху, что рать иная идетъ ис поля, полкъ Москвиць, и Татарове учаща стреляти кони у Новгородчевъ,

и ударишася на Новгородчевъ и съзиди и съ стороне, и смутиши силу Новгородскую Божиимъ велениемъ. А князь Василей Васильевичъ Низовъскый бися крепко, колико ему Богъ поможе, и Василей Олександровичъ Казимиръ билься много, и събиха его с коня и подомчаша ему иного, и на томъ убежа уязвенъ. А князь Василей Васильевичъ Низовъскый видевъ Божие разгневаніе на Новгородчехъ и свое изнеможение, и въздохнувъ отъ сердца и похвали Бога, не смыслиши разумети си вси да придуть на грядущее лето: тако поженеть единъ тысящу, а два двигнета тму. И убося страха Божиа, и побежа к Великому Новугороду и Новгородци и дворяне, кои куды поспель а иныхъ уязвиши оружьи, кождо по согрешению»¹²⁹.

Рассказчик, поведавший летописцу сию грустную историю, признаёт, что новгородцы дали маху — «исплошишася». Обвинил «татар» в «неблагородных» действиях — «учаша стреляти кони». Как будто это была не война, а турнир, «игрушка» по-русски. Но основную причину поражения он видит в неожиданном ударе, который нанесла новгородцам «иная рать» в тыл и фланг — «съзиди и с стороне». Откуда она могла взяться? Если бы московиты изначально строили ловушку новгородцам, то об этом должен был сказать московский летописец. Но в московских рассказах нет и намека ни о каких «засадных полках». Надо думать, всё произошло спонтанно.

Можно, конечно, предположить о существовании «хитрой задумки» московских воевод, кои «...заманили неприятеля в снежные сугробы и разбили молодецким ударом в тыл». Но в те времена существовал обычай посылать государю весть о победе под названием «сеунч» (тоже татарское заимствование). Первое летописное упоминание о сеунче относится к 1445 г. Согласно сказанному в этой «вести» (позднее — «воеводской отписке»), известие записывалось в Летописец, иначе «Времянную книгу». Тогда этим делом занимался уже известный нам дьяк Степан Брадатый «...умеюща говорити по летописцомъ Русскимъ». Сомневаться в сведениях официальной летописи, да ещё в отношении действий московских воевод не следует. Все спорные вопросы в среде московского боярства решались именно на основании данных, занесенных в Летописец.

Следует полагать, что решающий удар нанес князь Стрига Оболенский, оставивший обоз на попечение Ивана Квашнина и Михаила Русалки. Скорее всего, получив известие о нападении новгородцев, он со своим

двором вернулся к Руссе и решил исход боя, поэтому его имя и стоит первым среди воевод в московской версии изложения событий.

Несмотря на героизм князя Василия Суздальского и Василия Казимира, войско новгородцев потерпело поражение. От двора служилого князя осталось лишь два человека, «...а князь Василей сам третий убежа в Новгород»¹³⁰. Потери самих новгородцев были огромны: «На первомъ суйме Новгородчкыхъ бояръ убьень бысть Есифъ Васильевичъ Носовъ, Офнось Богдановичъ сынъ посадничъ, а раненыхъ и битыхъ много, и те прибежавше в Новгородъ и помроша, но не бояре, но молодии люди; а иных Новгородчкыхъ бояр поймавшие, и ведоша къ князю: Михаилу Тучю, да Труфана, Микиту Фаустова»¹³¹.

Московский летописец вторит новгородскому, но сожалеет о малочисленности великокняжеской рати, из-за чего некому было вязать пленных: «И тако вскоре побегоша гоними гневом божиимъ, и множество их избъено бысть, а инии поимани. Тогда поиман бысть посадничкъ их болшеи Михаилу Туча, а убиень бысть Есифъ Носовъ и инии мнози, а поиманых того ради немного бысть, никому было имати их, поне же мало бысть воинства великого князя, Гониша же ся по них воеводы великого князя и воинство, иже с ними, бьюще и грабяще и полон ведушее, и тако возвратишася, и приидоша къ своему государю великому князю здравы вси. А Ноугородцы прибегше в Новгород, поведаша бывшее над собою, и бысть в Новегороде скорбь и туга и плач много о избъенных и плененных, и о своєї измене великому князю»¹³². Конечно, относительно «здравы вси» он слухавил, может быть, это относится к тем, кто нанес решающий удар. Предположительно, ко двору князей Оболенских. А те 200 человек, что встретили новгородцев в первом суйме, потеряли четверть своего состава. Полсотни всадников оказались втоптаннами в снег новгородскими копытами у церкви Ильи Пророка. Мало какое войско, понеся такой урон, способно оправится и продолжить сопротивление, закрепившись на новых рубежах. В этом состоит несомненная заслуга воевод, в нашем случае, наиболее вероятно, Федора Васильевича Басенка.

Конец феодальной войны

Бой под Русой поставил жирную точку в истории феодальной войны, длившейся на Руси 30 лет. Победители, окрыленные успехом, двинулись обратно к стану великого государя. Тот с основным войском осаждал городок Демон в 60 км юго-восточнее Русы. Осада проходила не очень удачно, со стен города убили 15 «человек шестников», после чего великий князь пошел к Яжелбицам. Более удачно действовала «иная рать» под Молвотицами, в 30 км южнее Демона. После двух дней осады, в пятницу на Масляной неделе (6 февраля), москвиты подвели примет и сумели зажечь город, и его защитники сдались. Следом пал городок Стерж. Великий князь Василий продвинулся севернее и занял Яжелбицы в 100 км по прямой, юго-восточнее Новгорода¹³³.

В Новгороде, как в любой демократии, после громкого поражения начались поиски «козла отпущения». Первой жертвой оказалась вдова Шемяки — княгиня Софья Дмитриевна. 7 февраля 1456 г., «в субботу сыропустную», она тайно бежала в Литву к сыну. Следующей жертвой оказался князь Александр Чарторыйский, обвиненный во всех мыслимых и немыслимых грехах, в первую очередь — в неказании помощи побитой рати. Князь стоически переносил незаслуженные обвинения, но его молодой жены, дочери Шемяки Марии, это оказалось не по силам. От перенесенных волнений она скончалась и была похоронена 13 февраля. Смерть жены отняла у Чарторыйского последнюю волю к сопротивлению. Несмотря на подошедшую из Пскова помощь, воевать никто не хотел. Возобладала «партия мира».

15 февраля 1456 г. архиепископ новгородский Евфимий (фактический глава правительства республики) отбыл на поклон к великому князю. После недолгих переговоров (25 февраля Евфимий уже вернулся) в Яжелбицах заключили мир. Новгород выплачивал 8500 рублей «окупа», но получал обратно всех пленных. Князем-наместником назначался сын князя Василия Темного князь Юрий. Республика признавала патронат Москвы и лишалась права самостоятельного законотворчества. Отныне все государственные документы должны были скрепляться печатью великокняжеского наместника¹³⁴.

В заключение: немного о саадаках

Касаясь военного аспекта вышеописанного сражения, необходимо отметить, что его исход окончательно убедил московских стратегов в превосходстве лука над всеми остальными видами оружия. Если в ходе гражданской войны московские рати ещё применяли конные атаки с копьями «*по Литовскы*», то после Русы такие изыски уже не отмечаются.

Нельзя сказать, что до того значение лука принижалось. Ещё до монголов существовала давняя византийская традиция, согласно которой только «носитель токсифаретры» мог быть воином. А токсифаретра — это комплект вооружения, включавший налучие, способное вместить натянутый лук и колчан с 30–40 стрелами — аналог монгольского саадака. Выражение «носить токсифаретру» было равнозначно обозначению военного — нынешнего «человека с ружьём»¹³⁵. От монголов на Руси переняли не сам лук, а способ его массового использования и методы его применения — например, такой, как «хоровод». Сочетание саадака (по-гречески токсифаретры) для нападения, доспеха для защиты и коня для передвижения оказались огромным преимуществом перед другими способами ведения войны. Дистанционный способ ведения лучного боя снижал потери до минимума, а выносливые татарские лошади спасали детей боярских из-под любого удара, если, конечно, их не загоняли в место, бежать из которого было невозможно из-за топографических условий. Но на то и были стратеги-воеводы, чтоб не допускать подобных оплошностей.

Результаты боя под Русой, приукрашенные молвой (200 детей боярских разбивают 5000 «*кованую рать*»), решили вопрос. Луки и град стрел способны остановить любого врага, а удар обходного отряда во фланг или тыл непременно завершится полным разгромом неприятеля. Так и только так надо действовать! И действовали, и побеждали: на Шелони в 1471 г., на Митьковом поле у Ведроши в 1500 г., во многих малых и больших боях и битвах. Лишь гром литовских пушек и трескотня ручниц наемных жолнеров на Оршанских полях в 1514 г. возвестил о смене приоритетов. На смену луку шло огнестрельное оружие. Однако московские дворяне и дети боярские ещё долго не расставались с саадаком, вплоть до первой трети XVII в. Лук оставался незаменимым оружием «*служилого человека по отечеству*» — «*природного воина*». Новое оружие — пушки, пищали,

ручницы, они милостиво разрешали использовать *«воинам не природным»*. Тем, кого набирали *«по прибору»*, за деньги и корм. *«Служилые по отечеству»* смотрели на последних со смесью снисхождения и легкого презрения. Даже стрелецкие сотники времен Ливонской войны, назначавшиеся из дворян и детей боярских, красовались перед своими «огнестрельными» подразделениями в доспехе с саадаками.

Другим, не менее важным результатом боя под Русой, стало использование полевых укреплений. В 1456 г. москвитам сильно помог заметный снегом плетень, который в большой мере остановил порыв новгородцев. Этот метод сочли возможным использовать против татар. Соревноваться с ними в лучном бое в поле москвитам было ещё не с руки, а расстреливать степных находчиков из укреплений представлялось очень даже полезным предприятием. Через 14 лет именно сочетание лучного боя, укреплений и новомодных огнестрельных орудий позволило остановить на Угре хана Большой Орды Ахмата. Дальше — больше. Для действия против татар в полевых условиях в XVI в. придумали «гуляй-город», а на местах возможных набегов, на переправах и бродах стали возводить укрепления из «частика», рыть рвы, насыпать валы, просто валить деревья. Впоследствии были созданы «засечные черты», накрепко прикрывшие страну с юга.

Если вдуматься, то все это отзвуки победы под Русой. Ну а если не думать — то нет.

Ссылки

- ¹ Советская Историческая Энциклопедия. — М., 1974. — Т. 15. — Ст. 43.
- ² Зимин А. А. Витязь на распутье. — М., 1991.
- ³ Несин М. А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 96–173. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015); Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 гг.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 291–325. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).
- ⁴ Несин М. А. Борьба за Смоленск в XV веке [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV–XVII вв. — Ч. I. — С. 1–34. <http://www.milhist.info/2015/02/20/nesin_3> (20.02.2015).
- ⁵ Несин М. А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 96–113. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).
- ⁶ Шиндлер О. В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. I. — С. 72–97. <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

⁷ Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. II. — С. 594–612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

⁸ Несин М. А. Ответ на замечания Быкова А. В. изложенные в статье «Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» и отзыв на статью Шиндлера О. В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. II. — С. 614–652 <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

⁹ Комаров О. В. Отзыв на статью Шиндлера О. В. «Смена доспешной моды во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. II. — С. 654–676 <http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3> (12.12.2016).

¹⁰ После того, как данная рукопись поступила в редакцию, в настоящем издании увидели свет и другие работы, анализирующие ход этого сражения. Это полемический отзыв Д. Е. Бузденкова и ответ М. А. Несина на его замечания, опубликованные в V специальном и X выпусках журнала. (Прим. Ответственного редактора — составителя).

¹¹ Селиверстов Д. А. Русский Азенкур // Воин. — № 6 (2008). — С. 8–20.

¹² Московский летописный свод // Полное Собрание Русских Летописей (далее — ПСРЛ). Т. XXV. — М., 2004. — С. 264.

¹³ Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — Ст. 319–320.

¹⁴ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 273.

¹⁵ Ермолинская Летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. — М., 2004. — С. 155.

¹⁶ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 273.

Кто такой «Юрга» существует два предположения: либо это князь Юрий Святославович бежавший на Москву из Смоленска в 1404 г. от Витовта, либо Юрий Семенович (Лугвеньевич) бежавший туда же в 1440 г., после неудачного восстания в ВКЛ.

¹⁷ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 274.

¹⁸ Иосафовская летопись. — М., 2014. — С. 48.

¹⁹ Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — Ст. 194.

- ²⁰ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков. — Рязань, 2011. — С. 265–266.
- ²¹ Иосафовская летопись. — М., 2014. — С. 43.
- ²² Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 272.
- ²³ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. — М., 2001. — Стб. 50–51.
- ²⁴ Янин В. Л. Новгородские Посадники. — М., 2003. — С. 378.
- ²⁵ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 274.
- ²⁶ Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. I. — М., 2003. — С. 52.
- ²⁷ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 274.
- ²⁸ Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — Ст. 194.
- ²⁹ Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. Т. XLIII. — М., 2004. — С. 183.
- ³⁰ Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — Ст. 194.
- ³¹ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 274.
- ³² Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — Ст. 194.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Янин В. Л. Новгородские Посадники. — М., 2003. — С. 495.
- ³⁵ Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Т. IV. — М., 2000. — С. 441.
- ³⁶ Новгородская I летопись // ПСРЛ. Т. III. — М., 2000. — С. 424.
- ³⁷ Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — Ст. 191.
- ³⁸ Хроника Быховца. — М., 1966. — С. 89–90.
- ³⁹ Ермолинская Летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. — М., 2004. — С. 151.
- ⁴⁰ Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. I. — М., 2003. — С. 46.
- ⁴¹ Там же. — С. 48.
- ⁴² Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — Ст. 190–191.
- ⁴³ Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. I. — М., 2003. — С. 48.
- ⁴⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.-Л., 1949. — № 72, 73. С. 117–124.
- ⁴⁵ Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — Ст. 193.
- ⁴⁶ Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. I. — М., 2003. — С. 58.
- ⁴⁷ Карамзин Н. М. История Государства Российского. — М., 1993. — Т. V. — С. 188, 384.
- ⁴⁸ Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. I. — М., 2003. — С. 48. Прим. 42–42.
- ⁴⁹ Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 37.

- ⁵⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. — М; Л., 1950. — № 52. — С. 156, 158.
- ⁵¹ Новгородская I летопись // ПСРЛ. Т. III. — М., 2000. — С. 424.
- ⁵² Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — Ст. 185.
- ⁵³ Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. I. — М., 2003. — С. 48. Прим.39.
- ⁵⁴ Там же. Прим. 42–42.
- ⁵⁵ Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. I. — М., 2003. — С. 50–51.
- ⁵⁶ Там же. — С. 52.
- ⁵⁷ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 395.
- ⁵⁸ Янин В. Л. Новгородские Посадники. — М., 2003. — С. 317–447.
- ⁵⁹ Там же. — С. 414.
- ⁶⁰ Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в северо-Восточной Руси. — М-Л., 1947. — Т. I. — С. 285.
- ⁶¹ Янин В. Л. Новгородские Посадники. — М., 2003. — С. 412.
- ⁶² Там же. — С. 412–413.
- ⁶³ Степанова Л. Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI веков. — М., 2004. — С. 83.
- ⁶⁴ Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — Ст. 178.
- ⁶⁵ Псковские Летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. — М., 2003. — С. 76, 81, 84.
- ⁶⁶ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 395.
- ⁶⁷ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в северо-Восточной Руси. — М; Л., 1947. — Т. I. — С. 296.
- ⁶⁸ Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Т. IV. — М., 2000. — С. 453.
- ⁶⁹ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в северо-Восточной Руси. — М-Л., 1947. — Т. I. — С. 286–289.
- ⁷⁰ Акты собранные Археографической Экспедицией. Т. I. — СПб., 1836. — С. 184–195.
- ⁷¹ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 274.
- ⁷² Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. — М., 2000. — Ст. 194–195.
- ⁷³ Янин В. Л. Новгородские Посадники. — М., 2003. — С. 501–511.
- ⁷⁴ Там же. — С. 371–376.
- ⁷⁵ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 274.
- ⁷⁶ Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Т. IV. — М., 2000. — С. 446.
- ⁷⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. — М., 2006. — С. 424.
- ⁷⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–

XVI веков. — М.; Л., 1950. — № 14. — С. 39–40.

⁷⁹ Руммель В. В. и Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I. — СПб., 1886. — С. 107.

⁸⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. — М.-Л., 1950. — № 53. — С. 161; Щеков А. В. Верховские княжества. — М., 2012. — С. 151–152.

⁸¹ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 394.

⁸² Там же. — С. 270.

⁸³ Там же. — С. 267–269.

⁸⁴ Там же. — С. 270.

⁸⁵ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. — М., 2004. — С. 151.

⁸⁶ Там же. — С. 152–153.

⁸⁷ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 272.

⁸⁸ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. — М., 2004. — С. 155.

⁸⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. — М.-Л., 1950. — № 61. — С. 199.

⁹⁰ Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. — М., 2007. — С. 160.

⁹¹ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. — М., 2001. — Ст. 38.

⁹² Карамышев О. Служилый род Московской Руси. Карамышевы. — СПб., 2009. — С. 234–237.

⁹³ Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 103–104.

⁹⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 267.

⁹⁵ Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 84.

⁹⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. I. — М., 1952. — № 117. — С. 93–94.

⁹⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 209.

⁹⁸ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в северо-Восточной Руси. Т. I. — М.-Л., 1947. — С. 289.

⁹⁹ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. — М., 2000. — С. 183.

¹⁰⁰ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. — М., 2004. — С. 149.

¹⁰¹ Московский летописный свод // ПСРЛ. Т. XXV. — М., 2004. — С. 262.

¹⁰² Новгородская Первая Летопись // ПСРЛ. Т. III. — М., 2000. — С. 425.

¹⁰³ Симеоновская Летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. — М., 2007. — С. 193.

- ¹⁰⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской Летописью // ПСРА. Т. XII.— М., 2000.— С. 63.
- ¹⁰⁵ Ермолинская Летопись // ПСРА. Т. XXIII.— М., 2004.— С. 151.
- ¹⁰⁶ Софийская Вторая Летопись // ПСРА. Т. VI. Вып. 2.— М., 2001.— Ст. 103.
- ¹⁰⁷ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРА. Т. VIII.— М., 2001.— С. 112; Практически также, с небольшими текстовыми различиями в: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской Летописью // ПСРА. Т. XII.— М., 2000.— С. 63; Симеоновская Летопись // ПСРА. Т. XVIII.— М., 2007.— С. 192–193; Московский Летописный Свод // ПСРА. Т. XXV.— М., 2004.— С. 394–395; Вологодско-Пермская Летопись // ПСРА. Т. XXVI.— М., 2006.— С. 196.
- ¹⁰⁸ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века.— М–СПб. 2007.— С. 436–437.
- ¹⁰⁹ Разрядная Книга 1475–1605. Т. I. Ч. I.— М., 1977.— С. 17–18.
- ¹¹⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской Летописью // ПСРА. Т. XII.— М., 2000.— С. 30.
- ¹¹¹ Западнорусские Летописи // ПСРА. Т. XVII.— М., 2008.— Ст. 69; Ст. 109.
- ¹¹² Западнорусские Летописи // ПСРА. Т. XVII.— М., 2008.— Ст. 541.
- ¹¹³ Там же.— Ст. 341, Ст. 184, Ст. 400; с буквенным обозначением Ст. 289.
- ¹¹⁴ Сокращенные Летописные Своды // ПСРА. Т. XXVI.— М., 2007.— С. 272.
- ¹¹⁵ Татищев В. Н. Собрание сочинений.— М., 1996.— Т. V.— С. 258.
- ¹¹⁶ Зимин А. А. Витязь на распутье.— М., 1991.— С. 174.
- ¹¹⁷ Псковские Летописи // ПСРА. Т. V. Вып. 2.— М., 2000.— С. 49.
- ¹¹⁸ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в.— СПб., 1889.— С. 52.
- ¹¹⁹ Московский летописный свод // ПСРА. Т. XXV.— М., 2004.— С. 274.
- ¹²⁰ Там же.— С. 274.
- ¹²¹ Летопись Авраамки // ПСРА. Т. XVI.— М., 2000.— Ст. 195.
- ¹²² Московский летописный свод // ПСРА. Т. XXV.— М., 2004.— С. 274.
- ¹²³ Летопись Авраамки // ПСРА. Т. XVI.— М., 2000.— Ст. 195.
- ¹²⁴ Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в XV–XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции.— СПб., 2013.— Ч. 1.— С. 234–235.

- ¹²⁵ Московский летописный свод // ПСРА. Т. XXV.— М., 2004.— С. 252.
- ¹²⁶ Там же.— С. 274.
- ¹²⁷ Лицевой Летописный Свод. Русская летописная история.— М., 2010.— Кн. 14. 1444–1459 гг.— С. 497.
- ¹²⁸ Там же.— Кн. 13. 1425–1443 гг.— С. 199.
- ¹²⁹ Летопись Авраамки // ПСРА. Т. XVI.— М., 2000.— Ст. 195.
- ¹³⁰ Псковские летописи // ПСРА. Т. V. Вып. I.— М., 2003.— С. 53.
- ¹³¹ Летопись Авраамки // ПСРА. Т. XVI.— М., 2000.— Ст. 195.
- ¹³² Московский летописный свод // ПСРА. Т. XXV.— М., 2004.— С. 275.
- ¹³³ Летопись Авраамки // ПСРА. Т. XVI.— М., 2000.— Ст. 196.
- ¹³⁴ Зимин А. А. Витязь на распутье.— М., 1991.— С. 173–174.
- ¹³⁵ О Стратегии. Византийский военный трактат.— СПб., 2007.— С. 114.
- Прим. 387.